

ГЛАВА 6

ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ: КТО РАЗВЯЗАЛ «ВОЙНУ ДУХА»?

Джордж Л. Моссе начинает свое исследование немецкой идеологии с 70-х гг. XIX в. Объединение страны и развитие промышленности вызвали тогда резко критическую реакцию части интеллектуальной элиты¹. С тех пор начало развиваться антимодернизационное движение, которое усилилось на рубеже веков и позже слилось с антисемитизмом и расизмом. Во время Первой мировой войны мотивы и аргументы, использовавшиеся прежде для доказательства цивилизационного регресса, стали применяться в «войне духа». Их «острие» теперь было направлено наружу, в сторону врагов нации и государства. Интересными представляются не только последствия этого процесса, но и его отправная точка. Неужели явления, характерные для «войны духа», наблюдались также в начале «кризиса немецкой идеологии», в момент создания Германской империи?

Начало Франко-прусской войны не сопровождалось общенациональной мобилизацией. Как французская, так и немецкая пресса создавали такой образ столкновения держав, в котором каждая приписывала себе большие, чем у противника, шансы на победу. Демонстрация веры в собственные силы еще обходилась без демонизации противника. Ситуация изменилась в сентябре 1870 г., в результате разгромного поражения французской армии. Вместе с капитуляцией императора и созданием Третьей республики в публичном дискурсе появилось противопоставление французской цивилизации немецкому варварству, а также революционная риторика, сопровождавшая призывы к общенациональной борьбе против захватчиков. Анализирувавший это явление Михаэль Яйсманн обращает внимание на возникшие тогда предпосылки к появлению символической антитезы “Civilisation — Kultur”, распространившейся в более

---

¹ Mosse G. L., *The Crisis of German Ideology*, p. 3–4.

поздний период². Стоит отметить, что многое тогда указывало на высокую вероятность возникновения нового военного конфликта на француско-немецкой границе. Благодаря тому, что ежедневная пресса стала практически общедоступной, появились условия для разворачивания по-настоящему массовой пропаганды³. Этот факт способствовал появлению во Франции шпиономании, похожей на ту, которая охватила страну в 1914 г. Ее жертвами чаще всего становились мирные жители, которых задерживали неподалеку от полей сражений. В государственной измене также подозревали потерпевших поражение генералов. С другой стороны, французские призывы к всенародной борьбе с немцами заставляли последних опасаться мирного населения. В письмах и дневниках немецких солдат, а также в газетных заметках то и дело появлялись рассказы о француженках, которые якобы выкалывали глаза раненым немецким солдатам, о выстрелах из-за угла, а также о священниках, побуждавших к борьбе своих прихожан и обстреливавших немецкую армию с церковных башен⁴.

Ответом на реальные и вымышленные угрозы со стороны французского гражданского населения стали жестокие расправы как над добровольцами, пойманными с оружием, так и над случайными мирными жителями. Для обеих сторон символическое значение имела битва за небольшой населенный пункт Базей, расположенный к югу от города Седан: в этой битве на стороне французов также сражались вооруженные жители этой местности. Атаковавшие Базей баварцы убили несколько десятков мирных жителей, а после одержанной победы сожгли городок. Как в немецкой, так и во французской пропаганде центральное место в агитационной обработке этих событий отводилось образу женщины: фурии, предательским образом умерщвлявшей раненых баварских солдат, или же невинной жертве немецкого насилия⁵.

Темы предательства и насилия, затронутые в 1870 г., явственно напоминают мотивы пропаганды, популярные в период Первой мировой войны. Включение элементов, заимствованных из дискурса пола, в националистическую идеологию является весьма характерным доказательством преемственности. Кроме того, даже

---

² Jeismann M., *Das Vaterland der Feinde*, S. 224–225.

³ Leonhardt J., “Der Ort der Nation im Deutungswandel kriegerischer Gewalt”, *Jahrbuch des Historischen Kollegs*, 2004, S. 111–138, здесь S. 115.

⁴ Mehrkens H., *Statuswechsel. Kriegserfahrung und nationale Wahrnehmung im deutsch-französischen Krieg 1870–71*, Essen, 2008, S. 111.

⁵ *Ibid.*, S. 117.

многозначность предъявляемого немцам обвинения в варварстве не подверглась значительным изменениям. Это обвинение имело два основных контекста — исторический и биологический. В первом французские авторы утверждали, что «сыны Аттилы» еще не приобрели хороших манер, свойственных цивилизованному человеку, или же в результате политических событий вернулись к своим исконным (первобытным) обычаям. Второй контекст был связан с современными достижениями науки. Немец в этом контексте рассматривался как недостающее звено в теории эволюции, “*allemand-outang*” (от *фр. allemand* — «немец», *orangoutang* — «орангутанг»)⁶. Уже в 1870 г. перед французскими интеллектуалами встал вопрос о том, каким образом могут совмещаться явленное на войне немецкое варварство и достижения немецкой культуры и искусства. «Механизированный» способ ведения войны привел их к мысли о том, что в Германии наука вынуждена состоять на службе у варварства⁷.

Военная мобилизация не обошла стороной и выдающихся ученых того времени. Маркус Фелькель описал дискуссии, которые вели между собой ведущие историки из обеих стран: Давид Фридрих Штраус и Эрнест Ренан, а также Теодор Моммзен и Ньюма-Дени Фюстель де Куланж⁸. Изменения, произошедшие в Германии, ее милитаризация и — как представлялось многим наблюдателям — идеальная организованность вызывали как отвращение, так и восхищение, а также желание последовать ее примеру. Такие противоречивые чувства по отношению к Германии можно было обнаружить в работах Ренана, который писал о расовой энергии германских народов, стремящихся к мировому господству. Несмотря на это, он и другие французские мыслители полагали, что внедрение во Франции немецкой системы обучения и государственной службы может поспособствовать восстановлению былого величия Франции и возвращению утраченных провинций⁹. Таким образом, эффективность и варварство были сторонами одной медали. Наиболее ярким примером такого объединения был немецкий метод ведения войны и, в частности, артиллерийский обстрел Парижа.

Приписывание немцам варварства во всем, что не касалось научно-технических достижений, вступало в категорическое

---

⁶ Jeismann M., *Das Vaterland der Feinde*, S. 225–228.

⁷ Ibid., S. 230.

⁸ Völkel M., “Geschichte als Vergeltung. Zur Grundlegung des Revanchegedankens in der deutsch-französischen Historikerdiskussion von 1870/71”, *Historische Zeitschrift*, 1993, 257, S. 63–107.

⁹ Fink G.-L., “Der janusköpfige Nachbar”, S. 21–57, здесь S. 43.

противоречие с их автостереотипом и представлением о социальном составе их собственной армии. Вопреки статистике и здравому смыслу армию едва ли не приравнивали к университету, как если бы студенты и выпускники высших учебных заведений составляли большинство или хотя бы значительную часть военнослужащих. Противников, сражавшихся по другую сторону фронта, немцы считали несоизмеримо менее ценными воинами. Французскую армию они описывали как коварный вооруженный сброд или, что еще хуже, отождествляли с чернокожими солдатами из французских колоний. Уже в августе 1870 г. профессор права Роберт фон Моль считал использование африканских воинских подразделений позором для Франции. Страна «таким образом сама себя ставит в унижительное положение с этической точки зрения»¹⁰. Профессура Геттингенского университета ответила на французские обвинения в варварстве манифестом, в котором с негодованием сообщалось: «Также и наш университет, который славится прежде всего тем, что является немецким, отправил на войну сотни немецких юношей, невзирая на всю несправедливость ситуации, когда мы вынуждены сражаться с полудикими африканцами или сбродом авантюристов, собранных Гарибальди»¹¹.

Волна патриотического подъема захлестнула все немецкие университеты. Из почти 14 тысяч зачисленных в университеты в летнем семестре 1870 г. студентов на войну отправились более 25 %. Профессора произносили речи, в которых призывали к действию, а также анализировали вспыхнувшую войну через призму тех научных дисциплин, которые они представляли. Так, например, сторонник конституционализма и проректор университета в Гейдельберге Иоанн Каспар Блюнчли представил проект законодательного запрета на использование в Европе «варварских» войск африканского происхождения¹². В высказываниях других интеллектуалов, в свою очередь, появлялись идеи, восходящие к конфликту французского и немецкого национальных характеров. Литературовед Карл Хиллебранд, который вплоть до самого начала войны работал во Франции, обращался к традиционной оппозиции «мужских» черт немцев и «женских» черт французов:

---

¹⁰ Cp.: Mehrkens H., *Statuswechsel. Kriegserfahrung und nationale Wahrnehmung...*, S. 55.

¹¹ Tollmien C., «Der 'Krieg der Geister' in der Provinz...», S. 209.

¹² Bluntschli J. C., «Das moderne Völkerrecht in dem Kriege 1870», in: *Der Deutschen Hochschulen Antheil am Kampfe gegen Frankreich*, Hrsg. L. Bauer, Leipzig, 1873, S. 352.

Насколько ведущая роль женщин во французском обществе гармонирует с их национальным характером, демонстрирует то обстоятельство, что масштаб их влияния не подвергался изменениям в разные периоды истории Франции. <...> И сегодня француженка правит в салоне, в министерских кабинетах, в семье и даже в торговле так, как раньше это было при дворе. <...> В сущности, француженка по праву обладает этой властью, поскольку в нравственном и духовном отношении она значительно превосходит француза...¹³

Александр Эккер, антрополог из Фрайбурга, обогатил сравнение двух народов мотивом борьбы за выживание. Он полагал, что успехи немецкой армии имеют, помимо всего прочего, биологическое обоснование. Превосходство германцев, по его мнению, выражалось уже в более высокой рождаемости, которая наблюдалась также и в тех французских департаментах, которые Эккер считал с этнической точки зрения немецкими¹⁴. Более того, автор утверждал, что германцы превосходят французов по своим антропологическим характеристикам, иллюстрируя этот факт статистическими данными французских рекрутов, которые относительно реже признавались негодными к воинской службе в восточных департаментах, нежели в западных. Здоровье и правильное физическое развитие сочетались с интеллектуальными достижениями немцев, чему служило доказательством превосходство немецкой медицины над французской. Все эти наблюдения, а также описываемые в газетах примеры жестокого и безнравственного поведения французов на войне привели Эккера к выводу, что

цивилизованным народом был тот, который одержал победу над менее цивилизованным. <...> В соответствии с тем, чему нас учат законы природы в борьбе за существование, мы должны были победить и потому победили. И это еще не конец: мы можем надеяться, что и в будущем, в условиях более мирного соперничества... победа будет за нами, а германская раса окажет решающее влияние на историю Европы, как это и должно быть¹⁵.

---

¹³ Hillebrand K., *Frankreich und die Franzosen*, 3 Aufl., Straßburg, 1886, S. 55.

¹⁴ Ecker A., "Der Kampf um Dasein in der Natur und im Völkerleben", in: *Der Deutschen Hochschulen...*, S. 373–374.

¹⁵ Ibid., S. 375, 380.

Введение понятия расы в военную рефлексии о национальном характере французов и немцев почти автоматически запустило механизмы, подобные тем, что сопутствовали последующей «войне духа». Убежденность в фундаментальных психологических различиях между двумя народами заставляла ученых искать причины этого в расовом происхождении. Хиллебранд, с возмущением описывая французские зверства, пришел к выводу, что за это не может нести ответственность ни германская, ни романская этническая составляющая: «это не что иное, как периодические возвращения кельта к его истинной природе: “Grattez le Français, et vous trouverez l'Irlandais!” («Поскребите француза, и вы обнаружите ирландца!» — *Примеч. изд.*)»¹⁶. Людвиг Фридлиндер, специалист по классической филологии в университете в Кенигсберге, развил эту мысль:

Среди множества удивительных фактов о французском национальном характере, которые война открыла миру, самым неожиданным, пожалуй, стало то, что великий народ так глубоко застрял в своем кельтском прошлом...: Grattez le Français, et vous trouverez le Celte! <...> Ведь еще две тысячи лет назад Катон говорил, что кельтам свойственно придавать большое значение *esprit* и *gloire*. Также и выражение “Gallica crudelitas” вошло в поговорку еще у древних римлян...¹⁷

Многие мотивы, типичные для характерологической мысли в период Первой мировой войны, появились еще во время предыдущего Франко-германского столкновения. Масштаб мобилизации интеллектуалов был меньшим, способы воздействия на общественное мнение более скромными, но сами механизмы «войны духа» — очень похожими. Бурно обсуждалась идея исключить северогерманских ученых из списка членов Французской академии. Луи Пастер демонстративно вернул почетный диплом Боннского университета¹⁸. Явления, напоминающие разгоревшуюся несколько десятков лет спустя «войну духа», можно обнаружить в рамках еще только зарождавшихся на тот момент научных дисциплин, которые впоследствии, в период Великой войны, с большим энтузиазмом включились в борьбу. Члены основанного всего лишь за год до начала войны прусско-французско-

¹⁶ Hillebrand K., *Frankreich und die Franzosen*, S. 63.

¹⁷ Речь Людвиг Фридлиндера 18 января 1871 г. в зале университета в Кенигсберге, в: *Der Deutschen Hochschulen...*, S. 223–224.

¹⁸ Virchow R., “Nach dem Kriege”, *Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medizin*, 1871, 53.1, S. 1–27, здесь S. 19.